

ОТБОРОЧНЫЙ ТУР

Живет в Нижнем Новгороде (Россия). Визитная карточка автора, желающего принять участие в 1-м туре конкурса.

Выбор

Даже
из мусорного ведра
можно сделать предмет искусства.
Глаз выбирает любимое,
опираясь на чувства.

Человек - он есть то,
во что вглядывается не спеша,
и то, с чем себя соотносит,
жадно дыша.

А смертельно влюбленный
— за вдохом к воде, как рыба...
здесь вольнее плакать,
и легче месту ушиба.

Детство

(Всем «не бывшим» и ставшим)

Ясли, кроватки, шажки... Планетарность
В скромном величии простоты.
Девственно-честная элементарность.
С высшим началом на «ты».

Глуби и горы. Космос открытий.
Тысячи «нечт» и мелочей.
Жанров мозаика. Волны событий.
Жизнь без замка и ключей.

Люлька фантазий. Таинства пешие.
Мульттики, игры, сказочный бог.
Небылью стелется яви безбрежие.
С Вымыслом - выдох и вдох.

Школа... Запоротые исходники.
Косность, казенщина, планы, дневник.
Парта, доска, коридор, подоконники,
Вонь из столовки, дежурство, цветник.

Рев раздевалки. Лавина проносится,
Рвется наружу залатывать брешь.

Век ученичества - чересполосица
Правил, и ты в них - предложный падеж.

Век ученичества - век унижения,
Проблематичного постижения
Видов спряжения, кодов сближения.
Мальчики, девочки... Телодвижения...

Учишься мыслить, минуя комплексы,
Методом хора пренебрегать.
Опыта нет. Не спасают компасы.
Трудно инерцию преодолевать.

Жертва мандража. Опять в прострации.
Ночью ты веришь, а утром нет,
Что из твоей неуклюжей грации
Вырастут форма, и звук, и свет...

Последняя религия

Последняя религия - язык -
еще зовет словесного артиста
ломать клише и сдергивать ярлык,
смотреть в глаза с прицелом окулиста.

Прочь от застольных баек под шашлык
к рептилиям, к вершинам мезозоя
последняя религия — язык —
прогонит разум натирать мозоли.

Прогонит безголосым и больным
блуждать в дожизни, подбирать названья
всем ящерам, всем тварям земляным,
под терапию самовоссоздания

И, возвращая в человечьи сны,
от немоты избавит воскрешеньем
не музыки еще, а лишь струны
назойливым и нервным обнаженьем.

Но что-то заклокочет, забурлит,
рождая новый мир соотношений,
и ритмом, одним ритмом исцелит
от горестных гримас и искушений

тонуть в тоске, слепой, как полынья,
куда нырнешь — и трудно выбираться.
Но в этом тоже, может, суть твоя:
тащить себя наверх, сопротивляться.

Последняя религия — язык —
единственный дисциплинатор воли,
чтоб разум напрягаться не отвык,

вступая на житейские мозоли.

Как стержни, точно сваренные встык,
акценты подчиняются размеру,
свингует и пульсирует язык,
и слуху воздаёт, и глазомеру.

Пока архив ментальный не застыл
в казенных лингвистических привычках,
дерешься, даже обнажая тыл,
на шпагах интеллекта в нервных стычках.

Натренирован считывать подтекст,
с самим собою запретив носиться,
ты учишься смотреть, а не коситься
и максимально расширять контекст.

{jacomment off}